

ГИБЕЛЬ ЦАРЬГРАДА

ВЛАДИМИР
ПОРУТЧИКОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Исторические приключения (Вече)

Владимир Порутчиков

Гибель Царьграда

«ВЕЧЕ»

2012

Порутчиков В. Г.

Гибель Царьграда / В. Г. Порутчиков — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Исторические приключения (Вече))

ISBN 978-5-9533-6282-5

Весна 1453 года. Константинополь-Царьград окружен войсками султана Мехмеда. В осажденном городе осталась молодая жена консула венецианской фактории в Трапезунде. Несмотря на свои деньги и связи, он не может выволить ее из Константинополя. Волею случая в плен к консулу попадают шестеро янычар. Один из них, по имени Януш, соглашается отправиться в опасное путешествие в осажденный город и вывезти оттуда жену консула. Цена сделки – свобода шестерых пленников...

ISBN 978-5-9533-6282-5

© Порутчиков В. Г., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
1	6
2	7
3	10
4	12
5	14
6	18
7	19
Сказка про Мусу	23
8	29
9	32
10	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Порутчиков

Гибель Царьграда

Что есть история – набор случайных и разрозненных фактов, подобранных и интерпретированных согласно замыслу ее очередного составителя. И вообще, друг мой, на вашем месте, я не верил бы ни единому его слову...

Из случайно подслушанного разговора

Насколько мне известно, все обладающие вкусом люди – кстати, при этом многие из них недавно побывали в Константинополе, – сходятся на том, что, если бы любому сведущему человеку дали возможность обозреть земной шар и выбрать город, более всего подходящий для столицы мировой империи, он отдал бы предпочтение, городу Константина, столь счастливо сочетающему в себе красоту, роскошь, безопасность местоположения и величие.
Сэр Вальтер Скотт «Граф Роберт Парижский»

Пролог

Говорят, что впервые он увидел Город в одиннадцать лет.

Легким мальчишеским шагом, в плотном кольце телохранителей и императорской стражи, напоминающий взъерошенного, вечно готового к драке вороненка, прошел он по константинопольским площадям и улицам, так словно хозяин проходит по комнатам только-только построенного для него дома и, восхищенно замерев подле Святой Софии, будто бы сказал:

«Это будет мой город!»

Сказал и, заметив испуг в глазах приставленного к нему ромейского вельможи, рассмеялся вдруг весело и звонко, беспечно обнажая молодые, еще не испорченные жизнью зубы. А словоохотливому до этого вельможе в тот миг, говорят, померещилось, что вовсе не крест венчает фантастический купол собора. Но искушенный в дворцовых делах ромей умел держать лицо и через мгновение, как ни в чем не бывало, уже вел дерзновенного мальчишку дальше: смотреть с крепостной стены на бухту, что причудливым рогом изогнулась почти у самого Города, на мягко покачивающиеся на ее волнах корабли, среди пестрой мешанины которых затерялись богато украшенные золотом и коврами галеры турецкого посольства...

А может и не было его здесь никогда, а это лишь досужие вымыслы торговцев, что перетирают мировые сплетни на средиземноморских базарах, но спустя десять лет этот мальчишка, ставший к тому времени полновластным властителем османов, привел под стены Великого города свою многотысячную армию.

Мечты должны сбываться – так считал молодой султан Мехмед, и горе тем, кто окажется на пути к его мечте...

Часть первая

1

Весенним днем 1450 года, юная иберийская царевна – веселая, покрасневшая от бега, стремительно влетела в отцовский кабинет (как вбегала всегда, зная, что здесь ей рады), но, увидев рядом с отцом незнакомого человека, по виду чужеземца, тут же смешалась и остановилась в нерешительности.

– Мне сказали, что ты звал меня, отец... – тихо произнесла она по-иберийски, в то время как черные живые глаза ее настороженно и одновременно с любопытством смотрели на гостя, который в этот момент тоже изучал ее. У незнакомца было приятное лицо, обрамленное небольшой аккуратно подстриженной бородкой. Невысокий, тонкокостный, он не походил ни на властителя, ни на человека войны, а принадлежал скорее к сословию богатых торговцев или ученых мужей. Неизвестно отчего, но сердце у юной царевны вдруг екнуло, словно предчувствуя что-то очень важное, грозящее переменами в судьбе и это каким-то образом связано с визитом чужеземца.

– Да-да, моя милая, я звал тебя, – ответил отец и продолжил уже по-гречески. – Позволь представить тебе посланника императора ромеев, Георгия Сфарандзи. Он погостит у нас некоторое время...

Гость пробыл во дворце до лета: купался в целебных серных источниках, ездил с отцом на охоту и даже сопровождал его в разъездах по стране. Встречался он и с юной царевной. Прогуливаясь с ней в тенистом царском саду, под шум гремящей рядом Куры, рассказывал о далеком Константинополе, об огромных императорских садах с дивными цветами и птицами, о голубых водах Золотого Рога, что становятся золотыми на закате, и о многом другом, чем был славен Великий город. Рассказывал посланник и о нынешнем императоре Константине – человеке смелом, благородном и великодушном. Рассказывал так, словно бы очень хотел, чтобы ромейский император понравился юной царевне.

А на следующий день после отъезда гостя отец сказал дочке, то, что она уже давно поняла своим чутким девичьим сердцем.

– Ну, вот и все, моя милая, – отцовский голос с приятной для слуха хрипотцой звучал в этот момент особенно ласково, мягко. – Решена твоя судьба: ты станешь женой императора ромеев. Он добрый христианин и будет тебе хорошим мужем. Скоро за тобой прибудет его посольство...

Но это «скоро» растянулось больше чем на год, и лишь осенью 1452 года в окутанный белесыми туманами Тбилиси прибыли императорские посланники с брачным контрактом. В обратный путь уже вместе с невестой они должны были отправиться в конце будущей весны после Пасхи...

2

Последний ромейский автократор, Константин Драгаш Палеолог глядел из окна Влахернского дворца на выющих гнездо аистов и, пожалуй, впервые не радовался пришедшей в город весне, ибо вместе с теплым ветром и красноклювыми аистами принесла она с собой большую беду.

Беда эта, подобно грозовой туче, уже давно копилась, собиралась на подступах к городу и вот наконец пришла, наполнила собой все окрест, хотя еще вчера казалось, что отодвинет, разгонит ее, как бывало уже не раз, божественная десница...

Но не разогнала, не отодвинула, и поверилось вдруг в страшное: это сам Господь, за грехи непоправимые вдруг отвернулся от Великого города, как когда-то от блистательного, многоголосого Вавилона...

До василевса доносили слова инока Геннадия, который по слухам уже несколько месяцев не выходил из своей монашеской кельи, пребывая в посте и молитве, что нет будущего у государя и царства, предавшего веру отцов. Ему так же доносили слова мегадюки Луки, сказанные по поводу унии с латинянами, что, мол, лучше турецкая чалма, чем папская тиара. И вот пришла она – эта чалма, словно мегадюка своими неразумными речами накликал на город беду, и под тысячами ног султанских рабов не стало видно земли, а вход в Золотой Рог перекрыли три сотни турецких кораблей...

Сейчас смиренный, будто бы и не говоривший своих роковых слов Лука стоял за спиной Константина вместе с императорским секретарем Георгием Сфарандзи и терпеливо ждал, пока василевс сам начнет разговор. Но Константин, замерев в проеме высокого окна, не торопился повернуться к своим приближенным, уже предчувствуя, что новости, которые те принесли, увы, не обрадует его.

Имеющий глаза, да увидит: город не способен на длительное сопротивление, ибо какое может быть сопротивление, если жителей, способных держать оружие, осталось страшно мало, а под началом неразумного мегадюки всего лишь десяток боевых кораблей. Все это уже знал василевс, и поэтому малодушно оттягивал начало разговора, наблюдая за парой длинноногих аистов, еще в прошлом году свивших гнездо прямо напротив его покоев.

Этой весной аисты прилетели снова, и Константин обрадовался им как старым знакомым. Он готов был поклясться, что птицы тоже узнали его. Во всяком случае, каждый раз, увидев фигуру василевса в высоком окне, они не взмахивали испуганно крыльями, а лишь настороженно косились в сторону наблюдающего за ними человека своими черными глазами. Сегодня, так казалось Константину, в птичьих глазах отражалась охватившая его тревога...

За спиной раздалось негромкое покашливание.

– Да-да, время, – вспомнил василевс и, отвернувшись от окна, дал знак секретарю начинать.

– Мы провели перепись, как ты велел, – бодрым голосом начал тот и зашуршал свитками, которые до этого держал под мышкой. – В городе слишком много малолетних детей, стариков и женщин... В общем, мы располагаем лишь четырьмя тысячами воинов, государь...

Сфарандзи еще что-то говорил, тыча пальцем в свиток, но Константин уже не слышал...

Четыре тысячи!

Готовый к самому худшему, он все-таки не ожидал, что их окажется так мало.

Константин нервно дернул щекой и резко рубанул рукой воздух, словно в кулаке сейчас был зажат тяжелый, до седла рассекающий всадника меч. Эх, если бы под его началом было бы не четыре, а хотя бы четыре раза по четыре тысячи отборных закаленных в боях воинов, он сумел бы показать туркам, что значит сокрушительный удар ромейского войска, и не одна бы чалма вместе с головою ее обладателя покатила бы во прах.

Да, потускнел, полустерся слепящий прежде блеск двуглавых ромейских орлов... А ведь было время, когда гордо летели они над пограничными крепостями, внушая страх недружественным соседям, а особые золотые часы в императорском дворце показывали то, что в данный момент происходило на далеких рубежах империи: час дня обозначал активность восточных народов, два – арабов, третий оповещал о приближении очередного войска крестоносцев, спешащих в Святую землю... Когда на сигнальной, вознесшейся над городом башне загорались огни, специальный человек во дворце считал их количество и спешил передвинуть стрелки на соответствующий час...

Но однажды, торопливый грабитель, словно в насмешку считающий себя носителем креста, безжалостно выломал стрелки, разрубил тяжелым мечом искусно выделанный корпус – и не стало золотых часов. Впрочем, к тому времени они были уже не нужны, ибо границы империи сжались почти до размеров Константинополя, а сам Великий город надолго оказался во власти крестоносцев. Вскоре и от разграбленного императорского дворца остались только лишенные крыши развалины – обиталище бродячих собак и нищих.

И хотя, спустя полвека, славный предок Константина, Михаил Палеолог выбил латинян из города, никогда уже не был восстановлен ни дворец, ни золотые часы его, ни бывшее могущество тысячелетней державы, а императоры теперь жили в куда более скромном Влахернском дворце. Что и говорить, потускнел, полустерся слепящий прежде блеск золотых византийских орлов...

А секретарь тем временем продолжал:

– В городе есть еще несколько тысяч наемников, в основном итальянцев. Они тоже готовы сражаться за тебя, государь... Но...

– Что «но»? – нахмурился Константин. – Ну, продолжай же..

– Им нужны гарантии. Денежные гарантии, государь... Их мечи стоят денег и немалых денег... А казна..

– Хорошо, обсудим это чуть позже... А пока, прошу, чтобы никто в городе не знал о том, сколько у него защитников.

Сфарандзи склонил голову в поклоне, а заметно помрачневший василевс наконец обратил свой взор на мегадуку.

– Что с кораблями? – сухо спросил он...

А за стенами дворца уже просыпался Великий город. И все вроде бы было как всегда. Звонили к заутрене колокола. Так же торопились к домам зажиточных горожан молочницы с большими полными парного молока кувшинами, открывались лавки и пекарни, и запах свежеиспеченного хлеба разносило ласковым весенним ветром по городским улицам...

Правда, за последнюю неделю хлеб подорожал чуть ли не втрое, да и в самых дорогих сортах ощущалась примесь более дешевой муки, и стало еще больше пустых, брошенных домов. Все, кто мог уехать, уже уехали, и в городе оставалось не больше пятидесяти тысяч жителей, не считая генуэзских и венецианских купцов. Принявшие Флорентийскую унию надеялись на помощь папы, другие верили в нового императора, третьи, уже не надеясь ни на кого из живущих, обращали все свои мольбы к Всевышнему.

Но небеса равнодушно молчали, медлил с помощью папа, и только всезнающие и уверенные в силе золотого тельца генуэзцы чувствовали себя в надвигающемся хаосе, как рыбы в Босфоре, а наиболее ловкие и богатые уже вступили в сношение с самим султаном...

А потом пришли османы. Их ждали, готовились к блокаде, по повелению императора с конца зимы завозили в город провиант, смолу и камни для метательных машин, спешно ремонтировали обветшавшие стены, но никто не мог предположить, что врагов будет так много...

В долине реки Ликос запылали тысячи костров, и каждый вечер их становилось все больше: то прибывали к осаждавшим новые и новые силы, в основном жаждущие богатой добычи башибузуки. Эту человеческую лавину сдерживали сейчас только древние, надежно опоясывающие город стены и их малочисленные защитники...

3

О том, что грядет непогода, Джорджио Марза, консул венецианской фактории в Трапезунде, знал еще задолго до того, как на небе появились первые ее предвестники по ноющей боли в сломанной около двух месяцев назад ноге.

Но не физические страдания более всего мучили славного венецианца, а мысль о том, что молодая жена его находится сейчас в окруженном воинственными османами Константинополе. Тщетно выискивал консул пути ее спасения: те, на чью помощь он рассчитывал, – среди них были и знакомые купцы, и высокопоставленные трапезундские чиновники, – лишь сокрушенно разводили руками, добавляя при этом, что блокада города полная и проникнуть, а тем более вывести кого-то оттуда не представляется возможным, даже за большие предлагаемые консулом деньги. Во всяком случае, пока. Сколько продлится это «пока», никто толком не знал, но многие верили и старались убедить в том других, что город как всегда устоит, а снятие турецкой осады – лишь вопрос времени.

– Новый султан молодой, горячий, жаждет подвигов и славы. Только время способно охладить его пыл. Потерпи немного, подожди, – говорили купцу знающие люди. – Стены города достаточно надежны, ромейский император храбр и умен. К тому же ему на помощь пришел известный кондотьер Джустиниани со своими солдатами. Так что глядишь, все обойдется: турки уйдут, и двух недель не пройдет, как твоя жена будет здесь.

Но все эти доводы, которые и он сам приводил бы, окажись на его месте кто-нибудь другой, сейчас утешали мало. А если, не дай бог, не обойдется и Константинополь падет? Что ждет тогда жену, Джорджио было даже страшно представить: резня, объятый огнем город, похотливые, дорвавшиеся до грабежа и разбоя башибузуки.

О, Святая Дева Мария, лишь бы только это не стало явью!

«Моя бедная, маленькая птичка», – думал Марза, мысленно возвращаясь к тому несчастному февральскому дню, когда из-за неотложных дел в фактории должен был покинуть Константинополь, а его молодая супруга – вот он проклятый рок! – не могла последовать за ним из-за своей больной матери. Купец с удовольствием взял бы с собой и тещу – добрую, набожную женщину, но ослабленная болезнью, она вряд ли бы перенесла многодневный путь по студеному зимнему морю.

– Ну что ж, оставайся с матерью, птичка моя. А через месяц, самое позднее в начале апреля, я вернусь за вами обеими, – говорил жене на прощание Марза, то прижимаясь седой бородой к ее нежной щеке, то чуть отстраняясь, чтобы еще раз полюбоваться дорогими сердцу чертами. Несмотря на то, что в ясных глазах жены не было, увы, ни любви, ни нежности, а лишь благодарность и уважение, он чувствовал себя вполне счастливым.

«В молодости мужчина ценит в женщине красоту, в старости – молодость», – говорил когда-то своему беспечному черноволосому сыну дон Роберто Марза. Старый венецианец разбирался в этом предмете, как никто другой, и до последних своих дней был способен на подвиги, которые потом замаливал в построенной на собственные деньги церкви.

Теперь разменявший шестой десяток и три года назад схоронивший свою первую супругу Джорджио сам убедился в справедливости отцовских слов. И хотя новая избранница была хороша собой, да к тому же происходила из знатного, но за время гражданской войны окончательно подрубившего свои корни византийского рода, главное, за что купец любил свою жену – была ее молодость.

Они обвенчались лишь месяц назад, и этот месяц воспринимался Марза как сладчайший из снов. Деловая поездка в Константинополь – основной целью которой была встреча с новым послом Венецианской республики – вдруг разом перевернула жизнь немолодого уже вдовца, с каждым годом все острее ощущавшего свое одиночество. Правда, от первого брака был сын,

но он давно вырос, обзавелся семьей и теперь в богатстве и праздности проживал свой век в такой далекой и славной Венеции, которую купец не видел уже больше пяти лет. И вдруг на склоне лет такой подарок судьбы...

Выпустив наконец из объятий супругу, он дал слуге знак подвести коня.

– Слышишь, самое позднее в начале апреля, – сказал Марза еще раз перед тем, как, грузно усевшись в седло, тронуть башмаками лошадиные бока.

За купцом потянулись остальные всадники: многочисленная прислуга и охрана, а также несколько подвод с поклажей и провиантом. Где-то далеко внизу, у городской пристани, их уже ждал венецианский торговый корабль.

Но Марза не вернулся ни через месяц, ни через два, ибо при сходе с трапа в трапезундском порту, неудачно оступившись, сломал ногу и надолго оказался прикованным к постели в своем роскошном, но, увы, пустом без его драгоценной птички доме.

А потом до купца долетела страшная весть, что османский султан Мехмед – да поразят его небеса! – окружил Константинополь своим несметным войском...

4

Свою будущую жену Джорджио Марза впервые увидел январским утром 1453 года в храме Святой Софии.

Служба уже началась, когда сопровождаемый слугою купец ступил под гулкие своды главного константинопольского собора. И хотя бывал здесь уже не раз и внутренне готовился к этому, при взгляде на словно парящий на немыслимой высоте купол с переливающимся мозаичным крестом посредине, вновь ощутил легкое головокружение и необъяснимый, переполняющий душу восторг. Венецианец знал, что подобный восторг испытывал не он один: о похожих переживаниях с волнением в голосе говорили многие его знакомые – причем все солидные, твердо стоящие на ногах люди, в повседневной жизни чуждые всяких сантиментов.

Что и говорить, древние зодчие знали свое дело – Святая София, подобно камертону, сама задавала входящему необходимый для общения с Господом настрой.

В немногочисленной толпе молящихся в основном преобладали латиняне и местные чиновники всех мастей и рангов. Кто в шелках и золоте, кто в подчеркнуто строгих одеждах – они по праву располагались поближе к алтарю, как наиболее рьяные сторонники принятой пятнадцать лет назад Флорентийской унии; публика попроще стыдливо жалась около выхода или в боковых пределах собора. После того как папский легат Исидор тусклым декабрьским днем провел здесь совместную с православным епископом литургию, большинство православных прихожан посчитали храм оскверненным и перестали посещать его...

Марза, как и все сторонники унии, не понимал этого яростного упорства ортодоксов, считая, что перед лицом надвигающейся с востока угрозы две христианские церкви просто обязаны забыть обо всех своих разногласиях и поскорее объединиться. Будучи человеком торговым, он не мог не видеть очевидной выгоды от такого объединения, а все эти теологические споры об исхождении Святого Духа, о примате папства и других заумных сентенциях, оставлял на откуп ученым богословам, которых, как известно, хлебом не корми, а дай забраться во всякие немыслимые и опасные для душевного здоровья дебри.

Итак, полный приподнятых чувств купец уже намеревался было присоединиться к молящимся в центре зала соотечественникам, как вдруг его блуждающий взгляд, ибо все в этом фантастическом храме привлекало внимание вошедшего, натолкнулся на одиноко стоящую в левом приделе женщину. Ниспадающий тяжелыми складками плащ и отороченный мехом капюшон скрывали ее возраст и фигуру, но рука, подносимая ко лбу для очередного крестного знамения, была изящна и молода. В храме были и другие женщины, но отчего-то именно эту прихожанку заприметили глаза стареющего венецианца, который после смерти жены уже как три года не проявлял интереса к противоположному полу.

Снедаемый любопытством, мгновенно потеряв весь свой давешний настрой и присущую его возрасту и положению солидность, Марза и сам не заметил, как оказался у левого придела. Прячась в спасительной тени одной из колонн, купец сумел наконец разглядеть лицо незнакомки. Разглядел и, как в ледяную воду, окунулся вдруг в прошлое: туда, где отцовский дом, в три этажа нависающий над мутным каналом, легкие четырнадцать лет и девушка в окне напротив, нежные черты которой он не спутал бы ни с какими другими. Его юношеская греза, его неразделенная любовь, дочка важного венецианского сановника.

Лишь узкое ущелье между домами, да канал, по которому иногда скользили высоконосые ведомые ловкими гондольерами лодки, разделяли их. Девушка знала, что за ней наблюдают, и нарочно поддразнивала несчастного юношу, подолгу задерживаясь у распахнутого окна, то расчесывая свои густые рыжеватые волосы, то занимаясь вышиванием. Увы, она была на несколько лет старше Марза и давно уже обручена с каким-то высокородным счастливецом. Брак этот,

правда, так и не состоялся: за полгода до свадьбы рыжеволосая красавица внезапно заболела и умерла. Говорили, что от горячки.

И вот теперь, каким-то непостижимым образом она снова возникла перед ним: такая же юная, такая же прекрасная, словно не было ни ее смерти, ни груза прожитых купцом лет.

Впрочем, как выяснилось позже, стоящая в храме незнакомка лишь отдаленно походила на его первую любовь, но игра света и услужливая память уже сделали свое дело: сердце венецианца дрогнуло...

Сопение слуги за спиной вернуло Марза к действительности.

– Слушай, Франческо, – прошептал он, обернувшись к тут же придвинувшейся плутовой физиономии. – Видишь вон ту женщину в плаще?

Франческо понимающе ухмыльнулся, сонные глаза его сразу же повеселели.

– Так вот, я хочу знать о ней все...

Слуга поработал на славу и вечером того же дня Марза знал, что понравившуюся ему женщину, а вернее, юную восемнадцатилетнюю девушку, зовут Ириной, и что происходит она из старинного византийского рода, сильно подрубившего свои корни во время последней гражданской войны, и что живет она вдвоем с больной матерью, из-за болезни которой их финансовое положение ухудшается день ото дня. Два последних обстоятельства: болезнь матери и нужда особенно приободрили венецианца.

Получив, таким образом, все необходимые ему сведения, Марза начал действовать. На следующее утро в дом юной гречанки была доставлена корзина с еще теплым хлебом, свежайшими колбасами, сырами, сушеными фруктами и хорошим итальянским вином в запечатанном кувшине. Точно такая же корзинка была прислана и на другой, и на третий день, правда, на это раз в ней лежала собственноручно написанная купцом записка, в которой он указывал свое имя, звание и «покорнейше просил разрешения самолично засвидетельствовать свое почтение двум благороднейшим дамам». Разрешение было получено, и не прошло недели, как купец стал желанным гостем в их доме. Чтобы еще сильнее завоевать симпатии женщин, он пригласил к матери одного из лучших врачей в городе и полностью оплатил его весьма недешевые услуги.

Результат превзошел все ожидания: в тот день, когда старая женщина почувствовала себя несколько лучше, Ирина в порыве благодарности – о, эта всесокрушающая непосредственность юности! – бросилась купцу на шею. Марза, помнится, едва сдержался, чтобы в ответ не сжать девушку в крепких и совсем не дружеских объятиях истосковавшегося по женской ласке вдовца...

Купец все рассчитал правильно: больная мать, безденежье и неясное будущее в полупустом, постепенно угасающем городе не оставляли ей никаких шансов к сопротивлению. Когда он сделал ей предложение, бедняжка не смогла ответить отказом, тем более, что и мать ее, прослезившись, тут же дала свое благословение на брак.

Вскоре они обвенчались, по настоянию Марза в том же самом соборе, где купец впервые увидел ее....

5

Боль в сломанной ноге не обманула: весь последующий день и всю ночь на Понтийском море бушевал шторм. И лишь спустя еще трое суток, погожим майским утром в трапезундский порт пришел долгожданный корабль из Таны с грузом соленого лосося и икры. А вскоре и сам капитан – невысокий, эмоциональный итальянец лет тридцати с небольшим, явился к консулу с докладом.

Главную новость, что помимо рыбы в трюме его корабля находятся еще двадцать пленных турок, среди которых шестеро янычар, капитан выпалил чуть ли не с порога. Марза как раз завтракал, но, услышав такие новости, тут же позабыл о своей трапезе, и рука его с ложечкой, полной обожаемого им местного творога, застыла на полпути к уже открытому рту.

А возбужденный капитан тем временем продолжал, брызгая слюной:

– Синьор, вчера мы наткнулись на сильно потрепанный бурей турецкий корабль. Я принял решение атаковать! Команда сразу же сдалась, а янычары (их было человек сто, не меньше!) попытались сопротивляться. Синьор, они дрались как черти из преисподней, ранив двадцать и убив четырнадцать моих людей! – последние слова капитан почти прокричал, гневно сверкая черными, как маслины, глазами. – Если бы не арбалеты и кулеврины, нам бы пришлось туго. Янычары дрогнули лишь после того, как мы перестреляли большую их часть. Оставшиеся шестеро сложили оружие... Мои солдаты хотели тут же их вздернуть, но я решил повременить с казнью до прибытия в порт. Повесить ведь никогда не поздно. К тому же их командир неплохо говорит по-нашему. На допросе он рассказал, куда направлялось их судно... Я подумал, что это будет вам интересно, синьор, и сразу же поспешил к вам с докладом...

– И куда же они направлялись? – быстро спросил купец, тыльной стороной ладони вытирая испачканные творогом губы.

– Для усиления блокады Константинополя, синьор. Их было...

– А судно? Что вы сделали с судном? – нетерпеливо перебил купец, сразу вспомнив неласковые глаза посланника Венецианской республики и его вкрадчивый, дающий инструкции голос: «С турками по возможности ни в какие конфликты не вступать, не провоцировать, но и слабости своей тоже не показывать...»

– Пустили на дно, синьор. Так оно, я думаю, спокойнее.

«Так оно действительно спокойней, – мелькнуло в голове купца. – А то, не дай бог, эту посудину еще выбросит на контролируемый османами берег, или какой-нибудь турецкий корабль натолкнется на нее в море. На генуэзцев османы вряд ли подумают, те – чуть ли не ноги готовы целовать их султану, лишь бы разрешил торговать в подконтрольных ему городах, а вот на венецианцев, чей корабль в ноябре месяце за отказ остановиться и заплатить мзду за проход потопили в Босфоре турецкие пушки, – о эти проклятые Хиссары! – вполне могут».

По правде говоря, у Марза, как и других колонистов, узнавших о Босфорской трагедии и страшной участи команды потопленного судна – матросов казнили, а капитана посадили на кол, – давно чесались руки поквитаться с погаными, но так, чтобы одновременно не провоцировать. И не провоцировали: плавали через Босфор все также гордо и независимо, но немалую пошлину турецким мытарям после того случая все-таки платили. Скрипели зубами, но платили, ибо грозен был вид двух османских крепостей по обеим сторонам пролива...

А тут такой случай отомстить. И концы, как говорится, в воду...

– Правильно, капитан, – удовлетворенно кивнул купец и тут же добавил. – Я хочу видеть янычар. Всех шестерых.

Пока ждали пленников, Марза пригласил капитана позавтракать вместе с ним, и даже распорядился, чтобы гостю принесли что-нибудь посущественнее творога, но сам уже не при-

тронулся к еде, охваченный странным волнением, словно это, в общем-то, заурядное происшествие имело какое-то отношение к его личному несчастью...

Наконец ввели скованных одной цепью янычар. Первое, на что обратил внимание купец, были их лица: все в синяках и кровоподтеках.

– Мои рогащи чуток погорячились, – словно угадав его мысли, весело отозвался капитан, и прежде чем отправить в рот очередную порцию смоченных лимонным соком говяжьих лепестков добавил: – Пустяки, синьор. Пускай еще спасибо скажут, что сразу же не повесили...

Все пленники были одеты в суживающиеся у щиколоток шаровары красного цвета и когда-то белые, а теперь потемневшие от крови и пота рубахи, плотно облегающие их крепкие тела. На некоторых, правда, были еще зеленые кафтаны, или, вернее, то, что от них осталось после солдатских рук. Бритые наголо, безбородые, но с усами, примерно одного роста и возраста – купец дал бы самому старшему не больше двадцати лет – пленники показались ему братьями. В глазах – плохо скрываемая тревога, но не страх. «Не страх, – отметил про себя Марза. – Такие больше боятся неизвестности, чем смерти».

Янычары!

Джорджио знал, что готовят их из христианских мальчиков, насильно оторванных от родительского дома и увезенных в самое сердце империи османов, где их заставляют забыть свою веру, семью и родину, закаляют физически и воспитывают в духе преданности магометанству и султану. Верные псы последнего, готовые умереть по первому его слову.

Прищурившись, купец смотрел на юношей, еще не зная, что с ними делать. Судьба остальных пленников, запертых сейчас в пропахшем рыбой и тухлой водой трюме, его нисколько не волновала. Путь этих несчастных был уже предопределен: невольничий рынок, галеры, рвущие тело удары бичей и скорая смерть от переутомления. Им просто не повезло, как могло бы не повезти и захватившему их капитану и его команде, как могло не повезти и самому купцу... Правда, у Марза хватило бы денег выкупить себя на свободу. Что касается стоящих перед ним янычар, то что-то мешало купцу поступить с ними обычным порядком. Какое-то нутряное чувство подсказывало Марза, что они еще могут ему пригодиться...

– Вот этот – их командир. Он знает наш язык, – коротенький палец капитана, украшенный массивным золотым перстнем, ткнул в одного из стоящих. Тот, на кого он указывал, был несколько выше своих товарищей и, судя по развороту плеч и развитости угадываемой под рубахой мускулатуры, обладал значительной физической силой.

Марза встал и, тяжело опираясь на трость, подошел поближе, чтобы получше рассмотреть его, а когда приблизился, едва сдержал удивленное восклицание. У юноши были точно такие же глаза, как у его жены: необычного светло-серого цвета (правда, один из них почти заплыл, но другой был ясен и лишь чуть сощурился, встречая пристальный взгляд венецианца).

«Быть может, это само провидение подает мне знак», – мелькнуло в смятенной голове купца. С преувеличенной, чтобы скрыть свое замешательство, суровостью он спросил:

– Ты, правда, знаешь наш язык?

– Да, синьор, – на ломанном итальянском ответил юноша, почтительно наклонив стриженую голову.

– Кто ты по национальности? На турка ты вроде бы не похож...

– Я – серб...

– А откуда знаешь язык?

– Мой отец позаботился об этом...

– А кто твой отец?

– Сербский властель... то есть князь. Он погиб под Варной девять лет назад...

– Какие языки ты еще знаешь?

– Турецкий.

– Ну, это понятно..

– Еще я знаю греческий, синьор... и немного латынь...

– Хорошо, – кивнул головой купец и, собираясь с мыслями, на мгновение замолчал.

Какой-то ошалелый, залетевший в раскрытое окно жук, несильно, но колко ударился ему в щеку и, с недовольным гудением, снова уплыл к залитым солнцем кипарисам и ясно проглядывающему меж ними бирюзовому клину моря.

– Ну что ж, молиться свой Аллах, ибо все вы заслуживать смерть, – по-турецки обратился к пленником Марза, невольно провожая взглядом слегка затуманенного работающими крыльшками жука.

Подбирая слова, купец говорил очень медленно и от этого, так ему, во всяком случае, хотелось думать, они звучали еще весомей, еще жестче:

– Четырнадцать мой люди мертвый и его душа требовать мечь, – он покосился на капитана. Тот, не понимая ни слова, отставив в сторону чашу с вином, с напряженным вниманием смотрел то на губы консула, то на побледневшие, вытянувшиеся лица пленников. – Но я готовый (тут купец снова сделал паузу) щадить пять вас при том, что один... ответить свой жизнь за смерть мой люди...

Он еще не закончил, как все шестеро, не стовариваясь, шагнули вперед, громыхнув тяжелой, сковывающей их цепью. На лицах, еще по-юношески нежных, – решимость.

«Похоже, эти парни действительно готовы умереть друг за друга,» – подумал тут консул, невольно проникаясь к ним симпатией.

– Ну что ж, похвальный мужество. Такой дружба можно завидовать. И я... я не казнить никого. Пока. Я буду думать еще...

Он сделал знак стражникам увести пленных, а затем повернулся к стоящему рядом слуге:

– Распорядись, чтобы их покормили, а потом отвели в тюрьму... Эээ, в мою тюрьму. Надеюсь, ты не возражаешь, капитан?

Тут консул вперила властный взгляд в своего гостя.

– Они ваши, синьор, – почтительно ответил тот, показывая Марза свой идеально ровный пробор...

А купца уже ждали другие неотложные дела и заботы, коими был полон его день – день консула венецианской фактории: надо было рассмотреть просьбу о ссуде, разобрать тяжбу между двумя колонистами, проверить, как идет строительство нового грузового корабля, заказанного колонией на трапезундской верфи. Дела эти надолго отвлекли купца от мыслей о пленных.

А ближе к обеду, когда невозможное, слепящее солнце зависло прямо над городом, Марза сообщили еще одну не менее интересную новость: к городской пристани не более получаса назад пришвартовался груженный хлебом византийский корабль, идущий из Тавриды, и что капитан этого корабля во что бы то ни стало намеревается добраться до осажденного города. В общем, пленные временно отошли на второй план...

И лишь поздно вечером, уже отходя ко сну после обязательной молитвы, Марза снова вспомнил о шестерке томящихся в его тюрьме янычар, но, так и не придумав, что с ними делать, решил отложить решение их судьбы до утра. С тем и заснул.

И снился купцу огромный, объятый пламенем Константинополь и турки, которых уже не могли сдержать его древние стены. Подобно мутному нескончаемому потоку растекались они по улицам, врвались в дома, и великий стон, сотканный из тысяч людских криков, висел над гибнущим городом. Марза бежал в толпе несчастных горожан, торопясь спасти свою маленькую птичку, и уже видел ее дом, и знакомый силуэт в распахнутом окне, и в немой мольбе протянутые руки, но за спиной все явственнее слышалось тяжелое дыхание наступающих его солдат, а сил оставалось все меньше, и нестерпимо ныла, мешая бежать, больная нога. И вот, наконец, свершилось то, чего со страхом ожидал и больше всего боялся купец: тяжелая рука

преследователя вдруг схватила его сзади за ворот и с силой потянула назад, но не на городскую мостовую, а в черную непроглядную бездну..

Марза проснулся совершенно мокрый от ужаса. В полуприкрытое окно ломилась молодая луна, освещая его скрюченные вцепившиеся в одеяло пальцы. С моря тянуло приятной прохладой, и где-то далеко в городе зычно перекликались стражники...

Вместе с успокаивающей мыслью, что это был всего лишь дурной сон, к купцу вдруг пришло ясное осознание того, что Константинополь падет, причем в ближайшие дни, и если сейчас не предпринять каких-нибудь мер по спасению супруги, то уже никогда больше не увидит он своей маленькой птички...

Марза снова подумал о сероглазом янычаре, но теперь он точно знал, что делать с ним и его товарищами. И так кстати приходился этот зашедший в порт ромейский корабль...

Дотянувшись до шнура, Марза несколько раз с силой потянул за него, зная, что сейчас в ответ за стеной призывно звенит маленький медный колокольчик.

– Распорядись, чтобы немедленно привели в пыточную того... сероглазого янычара. – приказал купец возникшему на пороге слуге. Тот сладко зевнул и недоуменно уставился на хозяина.

– Ну, того, который знает языки... их командира, – раздраженно пояснил тот. – И еще: пошли кого-нибудь в порт к капитану греческого корабля. Только потолковей. Слышишь, Франческо, потолковей! Пускай предлагает капитану любые деньги, лишь бы тот согласился взять на борт двух моих людей, понял меня? Все, иди, да скорее возвращайся – поможешь мне одеться...

6

Тюрьма венецианской фактории, ибо ни одна уважающая себя фактория не обходилась без тюрьмы, располагалась прямо под роскошным домом купца, и чтобы попасть в нее, дону Марза достаточно было только открыть потайную дверь и спуститься по крутой лестнице вниз. Правда, сейчас ему потребовалась помощь слуги.

Тут надо отметить, что трапезундский император, получая от венецианцев хорошие деньги за предоставляемую им в аренду землю, да и просто беря у них займы на текущие государственные дела, мало интересовался, а вернее просто закрывал глаза на то, что творится внутри итальянской колонии. Корабли колонистов не только швартовались у отдельных специально построенных для них пристаней, но и никогда не подвергались таможенному досмотру. За это тоже приходилось расплачиваться звонкой золотой монетой, но прибыль от торговли с лихвой перекрывала все траты. Фактория процветала.

Рядом с тюрьмой, которая представляла собой перегороженный деревянными решетками каменный мешок, достаточный для содержания по крайней мере полсотни человек, была устроена пыточная – отдельная глухая комната, способная одним своим видом привести в трепет даже самую храбрую душу. При дрожащем свете факелов взору несчастного представляли проверенные временем и человеческой плотью хитроумные пыточные устройства: начиная от простейших дыбы и жаровни, и заканчивая знаменитой Железной Девой, чье полое тело было особым образом утыкано острыми штырями, которые хотя и пронзали заключенную в нее жертву, но не задевали жизненно важных органов, отчего та умирала медленной и мучительной смертью. Сколько криков, сколько страшных тайн и признаний слышали эти закопченные факельным огнем стены...

Когда поддерживаемый слугой Марза добрался наконец до пыточной, пленник уже был там под охраной трех дюжих тюремщиков. На сводчатом потолке в изменчивом свете факелов подрагивали четыре причудливо изогнутых тени. Отблески пламени падали на лицо янычара, отражались в его широко раскрытых глазах, которые сейчас показались купцу черными. Но, как и в прошлый раз, в них не было страха, а лишь только любопытство и, пожалуй, надежда. Да – надежда.

«Ну что ж, посмотрим, насколько ты оправдаешь мои надежды, ведь от этого зависит – оправдаются ли твои». – подумал купец, с интересом разглядывая юношу.

Тем временем слуга, проворно разложив складной венецианский стул, помог хозяину сесть, а затем бережно положил его больную ногу на низенькую покрытую пурпурной подушечкой скамейку. Проделав все это, слуга замер за спиной купца. В пыточной воцарилась тишина, нарушаемая лишь треском факелов.

Наконец Марза заговорил:

– В прошлый раз я не спросил твоего имени, янычар... Теперь же я хочу его знать.

– Отец с матерью нарекли Янушом, турки называли Бозкурт – отозвался тот с грустной усмешкой. – Какое вам больше по нраву, господин?

7

Как говорил дервиш Омар, человек всегда должен быть готов не только распознать в цепочке событий выпавший ему шанс, но и воспользоваться им... Такого шанса Януш ждал целых девять лет, с того самого дня, когда мрачные кареглазые люди забрали его и еще пятьдесят сербских мальчишек из родного края и увезли за море, чтобы они навсегда забыли свой дом и веру отцов...

Он понял, что это шанс, когда высокий борт венецианского нефа стремительно надвинулся, а затем тяжело ударил в их потрепанную штормами посудину, и на палубу споро запрыгали облаченные в добротные панцири солдаты...

Но вначале был шторм.

Его приближение первым заметил многоопытный Алибей, командир турецкой эскадры, что по приказу султана торопилась из Синопа для усиления начавшейся в начале апреля блокады Константинополя.

Четыре боевые галеры и шесть грузовых судов, повинаясь сигналам с флагманского корабля, взяли курс в открытое море подальше от безлюдной береговой линии, где бесновался, бессильно вздымаясь над острыми камнями, белопенный прибой. Алибей свято соблюдал мудрое правило древних – корабли во время шторма бойтесь берегов.

Когда земля скрылась из виду, а море все сильнее стало бить в борта тяжелыми волнами, на кораблях убрали все паруса, задраили люки, а галеры, до этого похожие на присевших на воду бабочек, спрятали в своих стремительных телах блестящие от воды крылья-весла.

Теперь людям оставалось только ждать и молиться, и с ужасом слушать, как безумствует вокруг них море, от которого их отделяла лишь тонкая деревянная обшивка.

А шторм разыгрался не на шутку. Людям казалось, что над ними потешается сам шайтан, который то бьет по воде гигантскими кулачищами, то закручивает своими длинными когтистыми пальцами страшные водовороты. Сквозь вой обезумевшего ветра им даже слышался его леденящий душу хохот...

На флагмане, не считая самого Алибея, находилось тридцать человек команды и сто янычар охраны. Все молились, но только лишь губы Януша беззвучно призывали на помощь совсем другого Бога, в которого верили его отец и мать и которого, как он искренне надеялся, никогда не предавал: «Господи Иисусе Христе, спаси и сохрани мя грешного... Спаси и сохрани...»

Корабль швыряло с волны на волну, бросало в мгновенно распахивающиеся пропасти и вздымало к разгневанному небу. Сквозь щели в палубе на скрючившихся в трюме людей лились потоки холодной воды, и цепенели души, и казалось, что еще немного – и пучина разобьет, навсегда поглотит их корабль...

В одно из таких мгновений, когда их жалобно скрипящий мирок снова рушился в невидимую, но так ясно ощущаемую бездну, перед Янушом вдруг промелькнула вся его жизнь...

Вот он четырехлетний стоит на стене родового замка (память почему-то сохранила именно это крохотное воспоминание без начала и конца). От шершавых серых камней тянет холодом, весенний ветер с гор треплет волосы, края одежды, и так страшно подойти и глянуть вниз за стену, где чернеет заполненный водой ров. За спиной Януша тоже пропасть, но уже не такая пугающая – там царит привычная уху суета, с кухни тянет чуть горьковатым, ласкающим ноздри дымком и туда ведет крутая каменная лестница, у подножия которой рыдает от обиды не взятый на стену младший брат. Януш хоть сейчас готов сбежать вниз, но рядом, положив руку на его плечо, стоит отец. Отцовская рука тяжелая, теплая, надежная. И мальчик решается: делает шаг к бойнице и встает на перевернутую вверх дном плетеную корзину – иначе ему не достать. Прикинув грудью к холодному камню, он смотрит вниз на опущенный надо рвом мост с толстыми ржавыми цепями, на сбегающую вниз дорогу, на лоскуты крестьянский

полей меж поросших ежевикой и колючим репейником скал, на обступившие замок горы, с едва различимыми на их фоне дымами пастушечьих костров, на ослепительное синее небо, доступное только ангелам и птицам...

– Когда-нибудь, сынок, и ты будешь защищать эту землю, – говорит отец...

Сколько себя помнил Януш, в доме всегда жили с ощущением надвигающейся беды, которая в воображении мальчика представлялась в виде огромного чешуйчатого змея с красным раздвоенным языком, точь-в-точь как на иконе Георгия Победоносца. Змей этот захватил уже большую часть Сербии и вот-вот должен был добраться и до них. Правда, на севере еще держался деспот Бранкович да несколько маленьких, вроде отцовского, свободных от турецкого гнета княжеств. Но как-то ненадежно, зыбко было все это...

И Януш молился святому Георгию, чтобы тот пришел на помощь Сербии, чтобы поразила турецкого змея своим длинным копьём в самое его змеиное сердце. Молился вместе с родителями и младшим братом в родовом, построенном еще прадедом храме со старинными византийского письма иконами. Трепетный огонь свечей наполнял гулкое пространство храма теплым ласкающим глаза светом, и от этого света чудным образом оживали нарисованные на стенах и сводах сцены из Святого Писания, потемневшие от времени иконы: строгие лики святых, кроткий, любящий взгляд Богородицы, глядящий прямо в душу Господь Вседержитель, и конечно же святой Георгий – покровитель рода Милошичей...

Когда Яношу исполнилось девять, из Константинополя прибыл выписанный отцом учитель – пожилой грек по имени Фока. У Фоки была окладистая черная борода, большой мясистый в красных прожилках нос и грустные зеленые глаза. Он учил Януша и его восьмилетнего брата счету, латинскому и греческому языкам, при всяком удобном случае отмечая перед властелем способности старшего.

А еще через два года случилась новая война с турками, и князь, простившись с женой и сыновьями, поспешил влиться со своею дружиной в войско молодого венгерского короля Владислава...

Все решилось в битве под Варной, когда король, так безрассудно ворвавшийся в стан султана с горсткой храбрецов-рыцарей, пал под ударами турецких ятаганов, а его простоволосую голову на пиках вознесли над собою янычары. В рядах христианского войска началось смятение. Многие побежали с поля чести...

Милошич был одним из немногих, кто, не потеряв присутствия духа, встал со своей дружиной на пути перешедших в наступление османов. Но все было тщетно: в короткой и яростной схватке дюжий турок снес кривым мечом голову Стефану, и вместе с закатившимися глазами последнего закатилась и светлая будущность его сыновей. Турки окружили и перебили всю дружину властеля, лишь только несколькими воинам удалось пробиться сквозь лес мечей и копий, и тем спастись...

Запыленные, в изрубленных доспехах, с окровавленными перетягивающими раны тряпицами предстали они перед матерью Януша и, повалившись перед ней на колени, сообщили страшную весть.

– Прости нас, госпожа-матушка, что не сумели вынести господина нашего с поля брани! Прости нас, Христа ради! – кричали вислоусые, закаленные в боях воины, и в голосах их слышал Януш дрожали слезы.

Узнав о гибели властеля, заплакали, запричитали все, кто в этот миг находился в зале, лишь только мать не проронила тогда ни слезинки. Прямая и строгая, стояла она перед дружинниками с окаменевшим бледным лицом...

А вскоре к замку Милошичей подступили передовые турецкие отряды. Но некому уже было защищать ни родовое гнездо храброго властеля, ни окрестные сразу же подожженные турками деревушки. Замок сдался на милость победителей.

Получив от вдовы убиенного ими князя большой денежный выкуп, османы пощадили укрывавшихся в замке людей, однако тут же обезглавили всех оказавшихся в нем дружинников, числом около двадцати, и забрали с собой Яноша с братом, да еще с полусотней других выделяющихся красотой и телесной крепостью мальчишек.

Яношу навсегда врезалось в память, как кричала им вслед враз постаревшая мать:

– Помните веру свою! Чтобы не случилось, не предавайте ее! Погибшим отцом заклинаю вас!

Этот истошный, рвущий душу материнский крик стоял в ушах мальчика всю дорогу от дома к неприветливому, никогда не виденному им морю, где их погрузили на корабли и отправили в самое сердце чужой земли...

Правда, в самом начале, пока их вели по родным, знакомым до последнего камушка местам, братья попытались бежать, но почти сразу же были пойманы и жестоко избиты.

– Еще один убежит – пять жизней заберу, – на ужасном сербском говорил тогда беглецам сорванным и оттого более страшным голосом турок с обезображенным оспой лицом, а потом неспешно проводил плеткой по своему горлу, наглядно показывая, как он заберет их жизни.

– Клянись, что больше не бежишь! Братом клянись! Слышишь?!

С этими словами страшный турок, больно сжимая плечо Януша, прижимал его к земле, и, падая на колени в дорожную грязь, тот кричал слова клятвы и плакал от отчаянья, а в голове все стучали материнские слова: «Не предавай! Помни веру свою!» Они жалили мозг, отдавались болью в сердце.

И он помнил. Помнил, когда обрезали крайнюю плоть, и мулла говорил что-то на чужом, непонятном тогда еще языке, когда заставили произнести Шахаду, а потом назвали новым именем Бозкурт (за глаза серые и взгляд дерзкий, как сказал тогда мулла). Помнил и верил, что когда-нибудь сможет вернуться туда, где родился, где был крещен в православную веру, где отчий дом и мама...

А потом их долго и придирчиво рассматривал какой-то важный турок в дорогом расшитом золотыми цветами халате и чалме, такой большой и белоснежной, что казалось будто бы само облако поселилось у него на голове. У турка были хитрые вечно прищуренные глаза, по которым невозможно было понять сердится он сейчас или смеется, и потные мягкие ладони. Велев догола раздеться, он заглядывал мальчишкам в рот, заставлял показывать язык, щупал мышцы на руках и ногах...

Из всех он выбрал только десять, в том числе и младшего Милошича.

А тот, едва поняв, что его навсегда разлучают с братом, неожиданно для всех бросился к Янушу и вцепился мертвой отчаянной хваткой, да так крепко, что их не сразу смогли оторвать друг от друга. Наконец оторвали, встряхнули младшего как тряпичную куклу, так что у несчастного стукнули зубы, и швырнули к остальным девяти, уже с покорной обреченностью сидевшим на запряженной волами повозке. Черный и худой как весенний грач возница тут же хлестнул по воловьим хребтам кнутом, и волы, шумно выдохнув, безропотно потащили повозку по ухабистой дороге прочь, вслед важному уже давно умчавшемуся на длинноногом скакуне турку – и это все тоже навсегда осталось в цепкой памяти Януша.

И еще осталось: тесно прижавшиеся друг к другу мальчишки, их тонкие шеи, покачивающиеся в такт колесному ходу головы, и меж ними белокурая головенка младшего брата, его устремленные на Януша глаза, из которых одна за другой капая большие, как бусины, слезы. Еще помнилось, как хотел крикнуть брату напоследок что-нибудь важное, ободряющее, но только подвело вдруг Януша горло: вместо крика, издало какой-то жалкий полузадушенный писк...

Оставшихся мальчишек раздали по крестьянским семьям. Януш попал к улыбчивому и пузатому турку по имени Ахмед, который приехал за ним на грустном, что-то меланхолично

жующем ослике с длинными чуткими ушами. Без лишних разговоров Ахмед усадил Януша на ослика и отвез к себе в деревню.

Ахмед оказался человеком не злым и обращался с мальчиком так же, как и со своим многочисленным потомством: в меру бил, в меру кормил, заставляя работать от зари до зари. Потомство его состояло из малолетней дочки и шести сыновей, старший из которых был ровесником юного Милошича, а младший еще пускал пузыри в люльке и, помнится, на появление нового члена семьи отреагировал громким отчаянным плачем. Скорее всего, он просто хотел есть, и таким образом призывал свою любопытствующую мать, которая специально выскочила из дома посмотреть на маленького, привезенного из-за моря «гяура». Ее играющая во дворе дочка при виде Януша тут же спряталась за мамыны шаровары, из-за которых он мог видеть то ее тоненькую косичку, то косичку и любопытный чернящий глаз, и еще часть измазанной сажей щеки. Остальные сыновья, наоборот, обступили его, как какую-нибудь диковинку, что-то радостно галдя на своем тарабарском наречии. При этом они безо всякого стеснения трогали мальчика за одежду и волосы, а старший вдруг взял и больно ущипнул его за нос. В ответ Януш отвесил обидчику такую затрещину, что тот кубарем полетел в грязь. Мигом вскочив и прокричав какой-то отчаянный боевой клич, турчонок бросился было на Януша, но тут смеющийся Ахмед схватил сына за шкуру и что-то строго сказал. Турчонок, однако, успокоился не сразу: незаметно от отца он еще долго грозил новоприбывшему кулаком и показывал длинный блестящий от слюны язык...

Впрочем, турчонок и его младшие братья вскоре привыкли к Янушу, стали считать своим и даже приучили к этой мысли соседских детей, которые поначалу тоже задирали маленького «гяура», но пара стычек и несколько разбитых носов быстро охладили их пыл.

Перестала пугаться Януша и дочка Ахмеда. У нее было смешное, какое-то птичье имя Чичек, что по-турецки означало «цветок». Иногда Януш разрешал ей забавляться со своими длинными светлыми волосами: вплетать и выплетать из них разноцветные ленточки, чем очень веселил братьев. Это продолжалось до того момента, пока Ахмед в очередной раз не обрил наголо старших сыновей, а заодно с ними и Януша, к несказанному горю Чичек...

Через месяц мальчик уже вполне свободно понимал и говорил по-турецки – старый византийский учитель оказался прав: у старшего сына погибшего сербского князя действительно были способности к языкам.

Долгими зимними вечерами Янушу вместе с сыновьями хозяина разрешалось сидеть в мужской половине дома – селямликке. Сбившись для тепла в кучу, поближе к раскаленному от огня мангалу, мальчишки ели лепешки из пресной муки, запивали их густым козьим молоком и слушали разговоры старших. Чужой мир, поначалу непонятный и враждебный, потихоньку становился для Януша своим. Стали привычными и частые молитвы, которые надлежало совершать не менее пять раз в день. Но, становясь вместе со всеми на обязательный намаз, он никогда не забывал про себя повторять, ту самую главную христианскую молитву, которой когда-то давно научила его мать: «Отче наш, ежеси на небесех, да святится Имя Твое...» и верил, что Бог и святой Георгий рано или поздно помогут ему. Ведь самое главное, как говорила мать, это верить и не предавать.

Он очень скучал по ней, по отцу, которого не мог представить мертвым, по маленькому брату, по родному дому, и ему казалось, что эта молитва незримой ниточкой связывает его не только с Богом, но и с родными. Иногда они приходили к нему по ночам – тогда Януш просыпался в слезах, – но сны эти становились все реже и реже...

Из крестьянской семьи его забрали через год и, привезя на окраину какого-то шумного города (позже он узнал, что это столица османов – Эдирне), втолкнули в большой обмазанный глиной сарай. Когда после яркого дневного света глаза Януша привыкли к полумраку, он увидел, что сарай полон мальчишек. Их было человек сто, не меньше, и все примерно одного с ним возраста. Покорно ожидая своей участи, они сидели на земляном утоптанном полу и своим

потерянным и жалким видом напоминали только-только оторванных от матери котят. Многие плакали. Увидев, что вошедший – всего лишь их очередной товарищ по несчастью, они тут же потеряли к нему всякий интерес. Но у Януша, при виде такого количества ровесников, вдруг зародилась робкая надежда, что здесь он наконец встретится со своим братом или теми, с кем был угнан год назад на чужбину, или по крайней мере хоть что-нибудь узнает об их судьбе.

– Сербы есть? – громко спросил он на родном языке.

– Есть, – по-сербски отозвались сразу несколько голосов. С сильно забившимся сердцем Януш всмотрелся в лица, но, увы, все они были ему незнакомы, и после недолгих расспросов выяснилось, что никто из них никогда не встречался с его братом. Истории этих мальчишек были почти похожи на историю самого Януша, только кого-то продержали в турецких семьях год, кого-то два, а то и все три...

Отчаяние снова охватило его, и, судя по окружающим, это чувство владело сейчас не только им одним. Он сполз по стене и уткнулся головой в колени, чувствуя себя снова одиноким и никому не нужным, но теперь вдобавок ко всему он скучал еще и по семье Ахмеда, особенно по маленькой веселой Чичек, по ее нежному голосу и ласковым теплым ладошкам. От бессилья и ярости на глаза мальчика навернулись слезы. Он не хотел плакать, но они предательски катились и катились по щекам...

Чья-то рука вдруг мягко легла ему на плечо, потрепала по волосам, точь-в-точь, как когда-то делал отец. Неужели случилось чудо и это действительно он, живой и невредимый, который пришел, чтобы забрать его из плена? «Господи, сделай так! ...»

Но над мальчиком вместо отца возвышался какой-то сухощавый, смуглый старик в одежде дервиша. Белая борода его была аккуратно расчесана. То, что это дервиш – Януш догадался сразу: иногда они проходили через село, и Ахмед всегда давал им немного еды и денег, которую те принимали со словами благодарности. Занятый своим горем, Януш не заметил, как старик вошел в сарай.

– Так-так, – сказал дервиш с улыбкой. – Будущий великий воин плачет как девчонка.

– А откуда, баба, вы знаете, что я стану великим воином?..

– Это написано у тебя в глазах. Однако всему свое время... Можно мне присесть рядом?

Януш растерянно кивнул, озадаченный тем, что от него хочет этот настырный старик.

А тот, опустившись на корточки, продолжил:

– Твое сердце сейчас плачет и рвется домой? Ты растерян и тебе кажется, что ты одинок? Ведь так? Но оглянись вокруг – ведь рядом с тобой твой друзья... нет, твои братья, с которыми отныне ты будешь делить и печали и радости, еду и кров. Тебе выпала доля воина, а что может быть лучше для настоящего мужчины? И лишь Всевышний знает, что предназначено всем нам впереди. Быть может, он так испытывает нас, испытывает тебя...

Хотя старик обращался только к одному Яношу, его звучный голос был хорошо слышен остальным мальчишкам, которые, сразу же позабыв о своих печалях, во все глаза смотрели на странного старика.

– Я хочу рассказать тебе одну очень древнюю сказку. Ты любишь сказки?

Януш снова кивнул, и старик, собрав у глаз лучики морщин – при этом глаза у него стали задумчивыми, – начал свой рассказ:

– Ну что ж, слушай. Давным-давно, в те времена когда блохи служили брадобреями...

Сказка про Мусу

Давным-давно, в те времена, когда блохи служили брадобреями, а верблюды глашатаями, случилась эта история. Тогда моя мать еще была в колыбели, а я ее убаюкивал... Жил в одном городе мальчик Муса. Он был сыном процветающего купца. Однажды отец сказал ему: «Сын мой, собирайся в путь. Мы отправляемся в путешествие. У меня есть кое-какие дела в дальних

странах. Ты мой наследник, и я думаю, тебе будет полезно поехать вместе со мной, поучиться вести торговые дела».

Итак, они отправились в путешествие по морю. Но на полпути их застиг ужасный шторм, и корабль пошел ко дну. Мусу, потерявшего сознание, волнами вынесло на какой-то берег. Отец и все, кто был на корабле, погибли, и мальчик остался один без всякой поддержки. Сцена кораблекрушения и длительное пребывание в открытом море так на него повлияли, что о прошлой жизни у него остались только смутные воспоминания.

Очнувшись, он встал и побрел по берегу. Вскоре он наткнулся на семью одного ткача. Это были бедные люди, но, проникшись состраданием к мальчику, они взяли его в свое убогое жилище и обучили своему ремеслу. Так закончилась первая жизнь Мусы и началась вторая.

Год или два он прожил с ними вполне счастливо и был доволен своей судьбой. Но однажды, когда вышел на берег, его схватили работоторговцы, отвели на корабль и вместе с другими невольниками увезли. Слезы Мусы не вызвали у этих людей ни капли жалости: они привезли его в большой город, чтобы продать там как раба.

На невольничьем рынке было несколько покупателей. Один из них искал себе раба, который мог бы работать в его цехе по изготовлению корабельных мачт. Несчастный вид Мусы привлек внимание покупателя, и, желая облегчить участь мальчика, он купил его. Хозяин оказался добрым человеком. К тому же у него и его жены не было детей, и они отнеслись к мальчику почти как к родному сыну. Муса, благодарный хозяину за его доброту, так прилежно работал, что вскоре он даровал ему свободу, и юноша стала ему доверенным лицом и помощником. Итак, для Мусы началась третья жизнь, и он почувствовала себя вполне счастливым.

Как-то хозяин сказал ему: «Муса, я хочу, чтобы ты отправился в качестве моего агента на такой-то остров с грузом мачт и выгодно продал их там». И вот Муса пустился в плавание, но на третий день пути мощный тайфун обрушился на его корабль и потопил его. Каким-то чудом юноше снова удалось спастись, и он очнулся на незнакомом острове.

Придя немного в себя, он стала громко плакать о своей несчастной судьбе. Как только его жизнь, казалось бы, приближается к благополучию, безжалостный рок разрушает все его надежды. «Почему так случается, – восклицал он, – за что бы я ни взялся, всегда меня ждет неминуемая неудача. Почему на меня валится столько несчастий?» Но ему никто не ответил, и он, заставив себя подняться, пошел вдоль берега. Так он шел, шел по берегу острова, как вдруг увидел небольшую хижину и девушку около нее. Увидев Мусу, девушка обрадовалась и бросилась ему навстречу:

– Кто ты, добрый юноша? – спросила она. – И как ты попал на этот остров?

Узнав, что он потерпел кораблекрушение, девушка горько расплакалась.

– Я думала ты спасешь меня, а оказывается ты такой же пленник этого острова, как и я, – печально сказала она. Как оказалось, корабль, на котором плыла девушка, тоже потерпел кораблекрушение, и ей чудом удалось спастись. Здесь она находилась уже три месяца.

– Но как же ты жила все это время? – удивился Муса.

– Я питалась ягодами и фруктами, что в изобилии растут здесь. И еще молилась Всевышнему, чтобы он поскорее вызволил меня отсюда и вернул домой, – ответила девушка и вдруг улыбнулась сквозь слезы:

– Но нас теперь двое, и значит, мне не будет так страшно и одиноко.

Прошло несколько недель. Каждое утро, проснувшись, Муса и девушка шли в глубь острова, где собирали фрукты и ягоды, а вечером сидели на берегу моря и рассказывали друг другу о себе. Девушку звали Лейла, и, как понял из ее рассказов Муса, в своей стране она принадлежала к очень богатому и знатному роду. Они с матерью отправились навестить родных, живущих на другом конце моря, и уже возвращались назад, когда корабль, на котором они плыли, попал в страшную бурю и затонул. Спасти удалось только одной Лейле и то благодаря

обломку мачты, за которую она уцепилась. Всю ночь ее мотало по морю, пока не прибило к этому острову.

Однажды утром Муса проснулся первым и, выйдя из хижины, увидел на берегу какой-то сундук. «Наверное, его выбросило ночью море», – подумал он, подходя поближе. Открыв сундук, он с радостью обнаружил в нем топор и плотный кусок ткани, годный на то, чтобы приспособить его под парус. Муса прибежал к девушке и радостно сказал:

– Лейла, удача улыбнулась нам. Теперь я действительно спасу нас. Мы построим плот и уплывем на нем с острова.

И он, не мешкая, принялся за работу, благо на острове не было недостатка в деревьях, пригодных для строительства плота. Тут Мусе пригодилось умение делать мачты и плести веревки, которые он плел из сухих лиан. Целую неделю он работал не покладая рук, а девушка, как могла, помогала ему. Вместе они построили большой и надежный плот с мачтой и парусом из найденной в сундуке ткани. Погрузив на плот запас фруктов, они отправились в путь. Погода им благоприятствовала. Светило солнце, а море было на удивление спокойно. Спокойно прошла и ночь, а на следующее утро им встретился торговый корабль, который, на их счастье, плыл в страну Лейлы.

Через неделю путешествия они ступили на берег. Народ в порту, едва завидев девушку, тотчас пал на колени, а вскоре из дворца местного правителя прибыли вельможи, которые и доставили Лейлу и ее спутника во дворец. Каково же было изумление Мусы, когда он узнал, что Лейла – любимая дочка местного правителя, который уже давно оплакивает гибель дочери и жены.

В благодарность правитель объявил Мусу своим наследником и выдал за него свою дочь, которая тоже не хотела себе никакого другого мужа, кроме Мусы. Вместе они прожили долгую и счастливую жизнь, оставив после себя многочисленное потомство.

Таким образом, Муса понял, что то, что казалось ему в свое время тяжелыми испытаниями, неожиданно обратилось в необходимый опыт, который помог ему достичь конечного счастья.¹

Только когда он закончил, Януш обратил внимание, что все находящиеся в сарае мальчишки сидят вокруг них плотных полукольцом и во все глаза глядят на удивительного старика...

– Ну что ж, мне пора идти, мои маленькие друзья, – сказал тот, поднимаясь. – Завтра снова увидимся. И запомните то, что я вам сегодня рассказал...

Так все они познакомились с дервишем Омаром – их будущим духовным наставником.

А вскоре после его ухода за мальчишками пришли суровые, малоречивые люди в высоких войлочных колпаках с белыми спускающимися на плечи шлыками, похожими на рукава дервишеского халата. У вошедших были обветренные лица, длинные висячие усы и до синевы бритые подбородки.

– Янычары, – испуганно пискнул кто-то за спиной Януша, но и он сам уже узнал их. Два года назад именно янычары обезглавили всех найденных в замке Милошичей дружинников. И вот теперь эти ужасные люди, которых, как говорили, побаивались сами турки, снова ворвались в его жизнь.

Янычары отвели мальчишек в казармы, расположенные неподалеку от султанского дворца, хотя об этом почетном и опасном соседстве Янушу и его товарищам стало известно несколько позже.

Теперь они назывались ачеми огланы – неопытные юноши, а вся их шумная орава – ортой. Таких орт помимо их орты Януш насчитал еще десять, и у каждой были свои настав-

¹ По мотивам притчи из книги «Идрис Шах. Сказки дервишей».

ники. Рядом за высокой стеной помещались настоящие янычарские казармы, но мальчишки почти никогда не видели их обитателей, а только слышали порой их боевые леденящие кровь кличи и грозный рокот отбивающих ритм барабанов.

Просторная сложенная из необтесанного камня казарма, в которой поселили Януша и его новых товарищей, на долгие годы стала для них домом, орта – семьей, а наставники – суровыми, а часто и вовсе жестокими родителями.

– Наша цель – сделать из вас настоящих янычар. Правда, не каждый из вас сможет им стать. Выбраны будут только лучшие, – так сказали им наставники в первый день и потом часто повторяли эти слова в течение всех шести лет обучения.

Спали ачеми огланы на жестких войлочных тюфяках (утром их скатывали к стене), здесь же молились, здесь же, если случалась непогода, ели. Есть им давали не много и не мало, а ровно столько, чтобы хватало сил работать и тренироваться. Кормили два раза в день. В основном это были либо вареный рис, либо фасоль с кусками баранины. Еду по очереди готовили в большом котле сами наставники-янычары, которым помогали несколько ежедневно назначаемых из числа воспитанников дежурных. В обязанности последних также входила уборка казармы и мытье котла, который считался янычарской святыней. Как говорили наставники, в случае его потери, орта немедленно расформировывалась, а ее члены навсегда покрывали себя несмываемым позором.

День воспитанников начинался засветло и заканчивался, когда уже было совсем темно.

– Мало сна и мало пищи сделают человека ангелом, много пищи и много сна погубят человека, – любил говорить дервиш Омар, который, как и остальные наставники, жил с ними в одной казарме и ел из одного котла. Правда, Януш никогда не видел дервиша спящим: они ложились спать – он был еще на ногах, они вставали – он уже ждал их возвращения со двора после омовения холодной водой, чтобы сотворить утреннюю молитву.

Раз в неделю Омар причащал воспитанников хлебом, сыром и вином и заставлял исповедоваться, возлагая при этом на голову исповедуемого руку. Выслушав очередное сбивчивое признание, он неизменно говорил: «Всевышний все слышал и прощает тебя. Иди и постарайся больше не грешить».

Время сжалось для Януша в один бесконечный день, полный молитв, побоев, тяжелой работы и тренировок с оружием, на которые выделялось большая часть дня. А ночь... Он не помнил ночи. Едва хватало сил после обязательной вечерней молитвы рухнуть на войлочную подстилку и тут же провалиться в сон без сновидений. Ночь пролетала на один выдох. Не успеешь сомкнуть тяжелые, словно намазанные сладким шербетом веки, как над головой уже раздается резкий голос одного из наставников:

– Вставайте, лежебоки! Во имя Аллаха, вставайте!

Зазевавшихся нещадно лупили палками, пинали ногами, и так изо дня в день.

Незаметно летело время, недели сплетались в месяцы, месяцы – в годы. Мальчишки разгружали корабли, помогали тушить пожары, частенько вспыхивающие в бедных кварталах Эдирне, таскали камни для строительства большой городской мечети и всегда и везде бегали трусцой, подгоняемые криками и ударами своих жестоких воспитателей. Оборванные и грязные, объединенные общей судьбой, воспитанники напоминали свору веселых и злых щенят. Но шло время, и щенята потихоньку выросли, не зная никакой другой жизни, кроме этой. Мышцы их наливались силой, ломались голоса, и незаметно для самих себя они превращались в мужчин.

Постепенно военное дело стало занимать почти все их время. С утра и до позднего вечера, прерываясь только на еду и обязательную молитву, они до изнеможения кромсали ятаганами тугие войлочные валики, ставя рубящий удар; стреляли из лука по ростовым мишеням, учились владеть пикой; тренировались быстро по команде занимать свое место в строю, ста-

вить заслон из скрепленных цепями повозок, строить защитные палисады, копать рвы, а потом их преодолевать...

– Врага надо вначале напугать: криком, лицами своими, еще до того как сошлись в сече. Если страх проник в его душу – считай, он уже проиграл, – говорили наставники, показывая, как надо, и их и без того суровые лица принимали вовсе свирепое выражение. И мальчишки, по-волчьи щеря зубы и срывая голоса, учились кричать страшным леденящим душу криком, но на первых порах это получалось у них не очень, и наставники не могли удержаться от хохота.

Учились не бояться атаки конницы и дружно встречать ее пиками.

– В бою не зевайте: всегда стремитесь уравнивать шансы. Конница разбила строй, прорвалась – бейте ятаганами по лошадиным ногам, перерубайте сухожилия, дергайте за хвосты. Что за смех, щенята? Проверено в бою: если лошадь дернуть за хвост, она упадет.

С самых первых дней пребывания в янычарской школе Януш выделился среди остальных учеников своей ловкостью, силой и умением. Сын сербского князя, он и до плена умел неплохо обращаться с облегченным специально под него кованым мечом, метко стрелять из лука, и тут ему не составило труда стать лучшим. Правда, из-за того, что ятаган был короче меча и лишен защитной гарды, манера фехтования им была несколько иная: большинство ударов наносились снизу вверх и сбоку, и это были страшные и коварные удары, парировать которые было крайне сложно. Да и из лука янычары стреляли совсем по-другому: тетиву захватывали и тянули до уха большим пальцем, а не указательным и безымянным, как учил его когда-то отец.

«Толкать гору, тянуть тигра за хвост», – постоянно повторяли наставники и, перед каждым новым занятием, показывая пример, метали стрелы из своих мощных луков далеко и точно в цель.

– Сегодня стреляем с двадцати шагов! Не опускай локоть, не поднимай плечо! Сустав большого пальца должен оказаться чуть ниже цели. Точка прицеливания – моя стрела! Убить противника до того, как он приблизился к тебе. Пока он сам не успел убить тебя! – кричали сорванными голосами наставники и, если кто-то из учеников вдруг ошибался, не жалели затрепанных и тумачков.

И юноши «толкали гору» и «тянули за хвост тигра», стараясь, чтобы рука и стрела составляли прямую линию, а тело не отклонялось назад. Стреляли до дрожи в руках, а потом снова рубили войлочные валики и учились драться на пиках и фехтовать ятаганом. И не только фехтовать...

– А вот это я называю броском последней надежды. Может статься, именно он поможет вам отсрочить встречу со смертью, – сказал как-то янычар по имени Азамат, которого боялись все воспитанники за крутой нрав и обезображенное шрамом лицо (говорили, что в битве под Варной), и тут же метнул свой ятаган в толстенную установленную в десяти шагах от них доску. Он впился в дерево на уровне головы Азамата, и у юноши, который бросился вытаскивать клинок, не сразу это получилось.

– Проверено: при правильном броске пробивает любой гяурский доспех, – усмехнулся довольный янычар. – Так что сегодня мы будем отрабатывать этот бросок. Пока с трех шагов...

И так изо дня в день.

Но помимо тренировок и изнурительной работы было еще что-то такое, что связывало их покрепче самой жестокой дисциплины, что складывалось из ежедневных мелочей и поступков. Так, еще в самом начале, при разгрузке груженной камнями баржи на речной пристани, Януш здорово ушиб ногу и не мог самостоятельно идти. Тогда наставник со словами: «Янычары никогда не бросают своих» приказал по очереди нести его всей орте. И мальчишки, сменяясь каждые пятьдесят шагов, несли Януша по узким городским улочкам до самой казармы, где его лечением занялся дервиш Омар. Тогда, пожалуй, впервые юный Милошич ощутил себя членом большой семьи, настоящего мужского братства. Потом он и другие воспитанники имели возможность еще не раз убедиться в этом...

А однажды на исповеди Януш признался Омару в том, что мечтает вернуться домой и что ежедневно молится об этом другому Богу. Старик внимательно выслушал его и, прикрыв глаза, после некоторого раздумья сказал:

– Прав мудрый Руми: «голые сучья, кажущиеся зимой спящими, тайно работают, готовясь к своей весне»... Ну что ж, верность – это черта, достойная настоящего мужчины. Я понимаю тебя, Бозкурт. Моли Всевышнего, чтобы не оставил тебя на твоём пути. И если ты будешь чист и искренен в своих помыслах и делах, он не оставит тебя, мой мальчик. Я в этом уверен. Но никому больше не рассказывай об этом, ты понял меня?

Через три года дервиш Омар оставил школу и ушел из Эдирне.

– Дервишу вредно сидеть долго на одном месте. Дорога – его дом, – сказал он на прощание воспитанникам, многие из которых не скрывали своих слез.

А Януш подумал тогда, что дервиш уходит из-за того, что его сердце, наверное, переполнилось их маленькими грехами, о которых мальчишки рассказывали ему на исповеди, и старику просто надо было что-то сделать, чтобы грехи эти не разорвали ему сердце. А, как известно, дорога и время – самые лучшие лекари на свете. Во всяком случае, так не раз говорил сам дервиш Омар.

Провожать его вышла, к удивлению Януша, не только их орта. Как оказалось, старика любили все воспитанники школы, которые плотной толпой обступили уходящего дервиша. Кому-то он что-то говорил на прощание, кому-то просто клал руку на плечо или трепал по голове, но никто, кажется, не был обделен его вниманием.

«Хитрый старик, и когда он только успел завоевать столько сердец», – с удивлением подумал тогда Януш, испытывая что-то вроде уколов ревности.

– Баба, ты еще вернешься? Мы еще увидим тебя? – спросил он, пробившись к Омару.

Тот ласково потрепал мальчика по голове.

– В Книге судеб все давно уже записано, так что, если мне суждено еще свидеться с кем-то из вас – обязательно свидимся.

И хотя новый духовный наставник по имени Иса тоже был добр с ними, много и красочно рассказывал про рай, куда попадают все истинные павшие за веру и султана войны, он так и не смог заменить воспитанникам Омара. Мальчишки скучали по его мудрым сказкам и добрым глазам и надеялись, что он еще вернется и они снова услышать его спокойный, чуть хриловатый голос.

Незаметно летело время, и однажды в один из дней теплой фракийской осени для юношей настала наконец пора последних испытаний: каждому надлежало переплыть широкую текущую рядом с городом реку, а переплыв, стрелять из лука по установленным в ста шагах мишеням, а после реки и стрельбы без передыху выдержать бой на ятаганах с двумя весьма серьезно настроенными янычарами, целая шеренга которых ожидала юношей на том берегу.

Из ста воспитанников орты было выбрано лишь сорок, включая Януша. Еще одного воспитанника в последнем, максимально приближенном к боевому поединке случайно убил вошедший в раж янычар (потом юноши узнали, что такое происходит почти на каждом выпуске), а остальных отправили во вспомогательные войска. Так закончилась их учеба в янычарской школе, которой они отдали целых шесть лет своей жизни.

Перед сорока прошедшими отбор юношами тем же вечером распахнулись ворота янычарских казарм, и главный дервиш в присутствии янычарского аги и всего корпуса, под бой барабанов и вой флейт торжественно посвятил юношей в члены «нового войска»...

8

Шторм утих только под утро. Когда зеленые от качки они выбрались на палубу, то не увидели ни своей эскадры, ни обрывистых понтийских берегов. Лишь неохватное, взбаламученное ветром море простиралось вокруг. В довершение всех неприятностей у судна оказались сломаны мачты и поврежден руль.

Команда, подгоняемая нетерпеливыми окриками Алибея, немедленно приступила к починке...

Работа была в самом разгаре, когда на горизонте вдруг появился корабль. Увлекаемый попутным ветром, он быстро увеличивался в размерах, и вскоре над его пузатыми парусами стали различимы трепещущие красные флаги.

– Неужели наши?! – вскричал Алибей, в нетерпении нависая над бортом и вглядываясь в приближающееся судно, в надежде, что оно окажется турецким.

Но вот корабль подошел еще ближе, и все увидели, что на красных флагах вместо звезды и полумесяца гордо реет вышитый золотом крылатый лев св. Марка.

Нет, то были не их соплеменники...

Венецианцы! Большой трехмачтовый неф!

Ветер донес до турок свист боцманских дудок и обрывки команд. Когда корабль подошел еще ближе, стало видно, что на высоком носу его суетятся солдаты, а из проделанных по обеим сторонам бушприта портов угрожающе выдвинулось несколько бомбард. Они почти одновременно рывкнули, но ядра, не долетев до турецкого корабля, плюхнулись в невысокие волны.

– Проклятье! Нас, кажется, собираются атаковать! Всем приготовиться к бою! Немедленно разворачивайте кормовую пушку! – вскричал Алибей, позабыв, что пушку сорвало в бурю с поворотной вилки и она, проломив борт, упала в море.

Палуба снова пришла в движение.

– Готовсь! – страшно прокричал Януш, и привычные к ратному делу янычары тут же достали и зарядили свои луки, образовав оцетинившийся стрелами строй.

А Януш, не сводя глаз со стремительно надвигающегося корабля, уже ревел дальше: «Первый ряд по целям, остальные навесом. Кирис (тетива)!..» слыша, как в ответ слева, справа и сзади от него дружно хрустнули девяносто девять готовых нести смерть луков. Сам он уже давно наметил свою жертву: суетящегося около бомбард невысокого офицера в сверкающем на солнце шлеме.

– Стреляйте же, – отчаянно прокричал уже успевший облачиться в доспехи Алибей, но Януш, хладнокровно дождавшись, когда корабль, на миг ровняясь с высоко сидящим надо водой нефом, снова качнется на волне вверх, выдохнул наконец финальные слова команды и первым спустил тетиву.

И тут же сорвались с луков девяносто девять янычарских стрел, – часть по хитрой крутой дуге, часть прямоком к выстроившимся у правого борта солдатам, над кулевринами которых уже бежал злой, разбрасывающий искры огонек. И повинувшись магической силе этого огонька, одна за другой оживали и с грохотом изрыгали огонь черные, наставленные на турок кулеврины, а потом все заволкло едким пороховым дымом. Януш, правда, успел еще увидеть, как стрела его, чиркнув по сверкающему шлему, бессильно упала в море, а обладатель шлема, выказав удивительную прыть, юркнул куда-то за бомбарды. Но, судя по отчаянным долетевшим с нефа крикам и нескольким тяжким всплескам у борта, не все стрелы пропали даром.

Залп же венецианцев не принес ощутимого вреда. Каменные пули большей частью просвистели мимо, легко ранив троих, стоявших в первой линии янычар и убив одного матроса.

Но тут в дело вступили итальянские арбалетчики. Сгрудившиеся на палубе более низкого корабля турки были для них хорошей мишенью, и едва рассеялся дым, раздались звонкие щелчки прицельно бьющих арбалетов.

Словно смертельная волна пронеслась над турецким кораблем.

Янушу повезло: стрелой ему лишь оцарапало щеку, но для многих его товарищей этот солнечный день оказался последним.

Был убит и Алибей. Увы, не спасли несчастного ни написанные на тонком листке папируса заклинания магрибского чернокнижника, вшитые в пояс, ни добротные дорогие доспехи: тяжелый арбалетный болт, пробив одну из стальных пластин, вошел капитану прямо в сердце. Когда он, хрипя и хватаясь за торчащий из груди болт скользкими от крови ладонями, валился в небытие, суда наконец соприкоснулись...

Страшен был удар большого, хорошо груженного венецианского нефа. По турецкому флагману от кормы до носа прошел ужасающий треск, и живые оказались лежащими на телах своих мертвых товарищей. Януш был в числе немногих, кто сумел устоять на ногах.

Вслед за ломающим, крушащим борт ударом в корабль впились хищные когти абордажных крючьев, и с венецианца на залитую кровью палубу споро запрыгали облаченные в защитные панцири солдаты, похожие на надутых, готовых к драке петухов. Перепуганные матросы сразу же стали сдаваться. Янычары, напротив, еще сильнее сомкнули свои сильно поредевшие ряды и обнажили ятаганы, готовые к своей последней схватке. Смерть не особо пугала их, ведь, как учили дервиши, перед каждым павшим в бою с неверными мгновенно распахивались ворота цветущего рая...

Но венецианцы не торопились скрестить с ними мечи. Снова прогремел дружный залп с нефа, и стоящие в передних рядах янычары со стонами и криками повалились на палубу – на такой близкой дистанции пули и арбалетные болты летели точно в цель. А на корабль под их прикрытием прыгали все новые и новые солдаты. Быстро образовав подобие стальной, вскипающей в лучах солнца стены, они наконец ринулись на врага, попутно топча и добивая попадающихся на пути раненых.

Схватка была яростной и короткой. Янычары дрались отчаянно, изошренными отточенными ударами поражая незащищенные панцирями шеи и бедра нападавших; их ятаганы безжалостно резали живую плоть, оставляя страшные рваные раны, и кровь хлестала на палубу, и рушились как подрубленные снопы убитые и покалеченные ими солдаты, но длинных венецианских мечей было все же больше. И пускай солдаты действовали не так проворно – они давили количеством, и зачастую в ничем не защищенную янычарскую грудь одновременно вонзалось несколько итальянских мечей...

Вскоре в живых осталось лишь пятеро янычар во главе со своим командиром, да и им, судя по всему, оставалось жить лишь считанные мгновения...

Эх, дорого бы продал сейчас свою жизнь Януш, не одну еще венецианскую душу отправил бы на тот свет, прежде чем самому пасть бездыханным, но бывший сербский княжич не спешил в обещанный дервишами рай. Еще ждал его отчий дом, который он поклялся во что бы то ни стало увидеть, да и жизни оставшихся в живых товарищей тоже чего-то стоили. Неужели их всех сейчас ждет смерть посреди равнодушной пучины, которая так же равнодушно примет в свои бездны их изрубленные тела? Неужели просто так Господь до сих пор берег его от венецианских стрел и мечей?

– Стойте! – в отчаянье вскричал Януш, глядя в совершенно озверелые лица венецианцев и почему-то истово веря, что это еще не конец. – Мы готовы сложить оружие, если вы пообещаете сохранить нам жизни...

И не дожидаясь ответа, первым выпустил из руки ятаган. Тот с глухим звоном упал на палубу. Примеру командира тут же последовали остальные. Окончательно осмелев, с ног до

головы забрызганные кровью – впрочем, их противники выглядели не лучше – солдаты окружили янычар плотным кольцом и, тыча мечами в беззащитных уже врагов, закричали:

– Ах вы турецкие псы! А вы сохранили жизни нашим братьям, которых потопили в Босфоре? А ведь они тоже молили о пощаде! Их вина состояла лишь в том, что они возвращались домой!

– Да что там с ними церемониться: вздернуть на рее и дело с концом, а эту посудину пустить на дно!

Несчастных тут же повалили на палубу и, связав за спиной руки, поволокли к ближайшей мачте, где кто-то из солдат уже прилаживал веревку...

Тут бы и закончились их жизни, если бы не вмешавшийся вдруг капитан венецианского нефа, который как раз в этот момент ступил на палубу захваченного корабля. Януш с удивлением узнал в нем того коротышку в блестящем шлеме, которого чуть было не убил стрелой в самом начале боя.

– Отставить! Пускай их судьбу решает консул фактории. Повесить мы их всегда успеем. А пока запереть их в трюме вместе с остальными пленными.

Солдаты с неохотой подчинились...

«Нет, судьба точно дает мне шанс», – подумал в тот момент Януш и, как вскоре выяснилось, он не ошибся...

9

– В прошлый раз я не спросил твоего имени, янычар... Теперь же я хочу его знать.

Голос купца звучал слабо, даже чуть надтреснуто, но в тяжелом лице и взгляде чувствовалась властная, привыкшая повелевать натура. Он сидел на складном венецианском стуле, положив больную ногу на небольшую, покрытую пурпурной подушечкой скамейку; здоровая нога была обута в мягкий башмак с длинным загибающимся кверху носом. За спиной купца замер слуга, который с нескрываемой неприязнью смотрел на пленника.

– Отец с матерью нарекли Янушом, турки назвали Бозкурт, – отозвался янычар с грустной усмешкой. – Какое вам больше по нраву, господин?

– Бозкурт... Это кажется по-вашему значит волк? Ну что ж, красиво. Подойди ближе... Януш. А вы оставайтесь на месте, – бросил купец тюремщикам.

Януш подошел, краем глаза отметив, как напряглись охранявшие его, а слуга, положив руку на большой отягчающий пояс кинжал, стал рядом с купцом.

– Я готов подарить вам жизни и отпустить на все четыре стороны. Более того, я снабжу вас на дорогу всем необходимым, включая деньги и оружие. Но только при одном условии...

Януш терпеливо ждал, и хотя на лице его не дрогнул ни один мускул, сердце при этих словах едва не выпрыгнуло из груди.

– Ты должен вывести из Константинополя двух людей... Наклонись-ка ко мне.

Купец вдруг схватил пленника за рубаху и, притянув к себе так, что седая борода его касалась лица пленника, тихо продолжил:

– Двух очень дорогих мне людей: мою жену и ее мать. Мне наплевать, как ты сделаешь это, но если они окажутся здесь живые и невредимые, повторяю: живые и невредимые, то клянусь Господом нашим, ты и твои люди получают свободу... А теперь можешь спрашивать?

С этими словами он разжал пальцы...

– Сколько у меня будет времени?

– Сколько угодно, но только до той поры пока город держится.. Если он вдруг падет или ты по какой-либо причине не вернешься после падения города в течение... трех... да, пожалуй, трех месяцев – твои товарищи будут казнены. Запомни это, янычар! Теперь их жизни в твоих руках.

– А как я узнаю вашу жену? К тому же я не знаю города...

– С тобой отправится Франческо (кивок в сторону стоящего рядом слуги). И еще... – купец снял с пальца массивное кольцо с каким-то темным, весело сверкнувшим гранями камнем и передал Янушу. – Покажешь это жене. По этому перстню она поймет, что ты прибыл от меня и она может доверять тебе... Теперь слушай внимательно: сегодня на рассвете в Константинополь отправляется греческий корабль. Если повезет, ты будешь в городе уже дней через десять. И не дай бог тебе сбежать или погибнуть, или привести кого-нибудь на выручку! Тем самым ты погубишь своих людей. Пусть сюда придет хоть сам султан со своим войском – твои люди все равно умрут, а я уж позабочусь, чтобы смерть их была мучительной...

При этих словах купец выразительно посмотрел куда-то за Януша, и тот, обернувшись, увидел зловеще поблескивающее в полумраке странное сооружение, отдаленно напоминающее женскую фигуру. Янчар, правда, не знал ни ее названия, ни назначения, но выдавленное в металле лицо, по прихоти изготовившего ее мастера вечно искаженное страшной улыбкой, заставило его вздрогнуть. Купец, заметив это, довольно усмехнулся:

– Да-да, юноша, Железная Дева умеет любить до смерти...

Слуга понимающе хмыкнул.

– Дальнейшие инструкции получишь от Франческо, – снова перешел к делу купец. – И помни, янычар, про три месяца! Да хранит тебя Господь! Тебе Его помощь, ой, как приго-

дится... А сейчас отведите-ка его помыться, уж больно воняет... Да поживее, а то скоро рас-свет! Корабль ждать не будет...

Подскочившие тюремщики тут же подхватили Януша под руки и, хотя он был не маленького роста и веса, легко поволокли прочь. Третий тюремщик, звеня ключами, тяжело затопал следом. Однако еще до конца не верящий в свое освобождение янычар успел услышать, как купец говорит слуге:

– Франческо, распорядись, чтобы его переделали и как следует накормили, а также снабдили всем необходимым...

Мрачный коридор снова ожил от грохота торопливых шагов, но теперь Януша волокли в противоположную от темницы сторону, что означало, что больше он не увидит своих товарищей.

– Дайте хоть со своими проститься... – попросил он. Железная хватка несколько ослабла. Тюремщики нерешительно переглянулись и чуть замедлили шаг. Но тут зло отозвался идущий сзади:

– Не велено! Времени нет, слышал?

– Люди вы или нет? – вскричал янычар и тут же получил тычок в спину.

– Заткнись, собака турецкая! Для тебя мы уж точно не люди. Будь моя воля, я бы всех вас прямо сейчас повесил!

Тогда Януш, в надежде быть услышанным своими, закричал по-турецки так громко, как только мог:

– Братья, ничего не бойтесь! Я вернусь за вами и спасу вас, слышите?! Я спасу вас, братья!...

– Во орет-то, нехристь басурманская. Давай, ребята, тащите его быстрее. А то прям здесь порешу гада! – взорвался за спиной третий.

– Вас здесь не тронут до моего возвращения, слышите!?

Тюремщики ускорили шаг и буквально вынесли янычара к ведущей наверх лестнице...

Когда в коридоре наконец стихли шум шагов и крики, слуга осмелился подать голос:

– Хозяин, ты думаешь, он вернется?

– Еще как вернется. Уж поверь мне, старому, повидавшему многое на своем веку торговцу. Я видел его глаза – это глаза честного человека. Он скорее умрет, чем бросит своих друзей в беде. К тому же ты присмотришь за ним... Да-да, именно ты. Если вдруг что-то пойдет не так, Франческо, ты знаешь, что делать...

10

Порой Яношу казалось, что он спит: настолько стремительно было все происходящее с ним в эту удивительную ночь.

После мрачного тюремного коридора недавний пленник оказался вдруг в гулкой отделанной мрамором купальне, куда один из тюремщиков вскоре привел двух молчаливых, позевывающих со сна служанок.

Не обращая внимания на все протесты и смущение Януша – впервые за долгие годы юношу касались женские руки – эти две еще не старые и, как показалось Яношу, миловидные женщины быстро раздели его, а затем уложили на каменную предварительно облитую горячей водой скамью; причем действовали они без всякого стеснения. От их горячих со сна тел волнующе пахло молодым потом, колыхающиеся под длинными рубахами груди то и дело касались его, а глаза, еще больше будоража, как-то странно поблескивали в полумраке едва освещенной несколькими светильниками купальни. Одна из женщин, последовательно черпая широкогорлым медным кувшином из двух каменных вделанных в стену чаш, стала лить на Яноша теплую воду, другая усердно заработала ворсистой щеткой, свободной рукой заставляя его, смятенного и одновременно блаженствующего, поворачиваться к ней то лицом, то боком, то спиной...

Наконец, заботливо вытерев почти сомлевшего юношу, служанки помогли ему облачиться в кем-то уже приготовленную одежду: не новую, но чистую тунику, обтягивающие штаны, кожаную куртку без рукавов, а в довершение – сапоги мягкой кожи и длинный дорожный плащ. После чего женщины снова передали Яноша тюремщикам.

Потом были пустынный коридор, ведущая вверх лестница и открытая с одной стороны галерея, меж серых колонн которой юноша вдруг увидел уступы крыш, хаотично разбросанные по склону горы, часть крепостной, грозно темнеющей в ночи стены и залитое лунным светом море. Увидел и сразу же вспомнил жар вчерашнего дня, круто забирающую вверх мощную булыжником улицу, звон цепи и улюлюканье бегущих следом мальчишек. Тогда город дышал ненавистью, и эта ненависть сквозила и в угрюмых лицах конвоиров, и в мрачных взглядах попадающихся на пути горожан, и в тяжести железа, до крови натирающего ноги, и даже в самом нещадно палящем солнце. Но то было вчера. Сейчас город выглядел совсем по-другому: спокойный, тихий, он доверчиво открывался взору уже почти свободного янычара...

Миновав галерею и внутренний двор с бассейном, в черном квадрате которого как в ловушке подрагивала желтая луна, тюремщики наконец втолкнули Януша в полное жара и жизни пространство.

В огромной, обложенной камнем нише гудело неистовое пламя. Огненные языки яростно лизали подвешенный на крюк котел. Около котла сустились несколько худосочных мальчишек, а на краю длинного изрезанного ножами стола какая-то дородная, неопределенных лет женщина ловко чистила уже обезглавленную рыбину. Голова рыбины, с удивленно разинутой пастью, валялась тут же, и в неживом выпученном глазу ее весело плясало отражение большого огня. У ног кухарки из плетеной корзины обреченно торчали еще несколько поникших рыбьих хвостов.

Завидев вошедших, женщина оставила работу и, отирая о передник жирно блеснувшие руки, степенно прошествовала в противоположный конец кухни. Оттуда она появилась уже с тарелкой и большой глиняной кружкой с отколотым краем. Все это кухарка молча поставила на стол перед Янушом и снова вернулась к своему занятию.

– Ну что смотришь: ешь давай, – пробасил один из тюремщиков, подталкивая юношу к столу. Другой с грохотом пододвинул скамью.

Второго приглашения Янушу не потребовалось. Со своим нехитрым завтраком (в тарелке оказался ломоть хлеба и хороший кусок жареной рыбы, а в кружке – разбавленное водой вино) он расправился в два счета.

Когда юноша допивал вино, в кухню влетел одетый в дорожное платье коренастый крепьш.

– Ну что, уже поел? Вот и хорошо.

Януш узнал слугу купца. Тот подсел рядом и, небрежно сдвинув в сторону посуду, положил перед ним большой кинжал в кожаных ножнах: – Вот, возьми – подарок хозяина.

И тут же, пресекая возможные вопросы, добавил:

– Об остальном потолкуем на корабле. А теперь быстрее в порт. Верхом-то ездить умеешь?

Януш только презрительно хмыкнул, хотя последний раз сидел в седле одиннадцатилетним мальчишкой...

Двоем со слугой – тюремщики остались на кухне – спустились в нижний выложенный плиткой двор, где их уже ждали оседланные лошади...

А еще через мгновение из ворот купеческого дома на спящую улицу вылетел торопливый лошадиный перестук. Вылетел и, разбивая вдребезги предутреннюю тишину, покатился вниз к морю. Вместе с грохотом устремились вниз и два вцепившихся в поводья всадника. На особо крутых спусках они замедляли бег животных, и тогда размеренный перестук бьющих в булыжник копыт сменялся хаотичной частой дробью; лошади храпели, косили на седоков безумными, блестящими во мраке глазами, а их мясистые лоснящиеся крупы теснили друг друга на узкой зажатой каменными заборами улице.

До порта добрались довольно-таки быстро. Во всяком случае, так показалось Янушу. Несмотря на большой перерыв в верховой езде, он чувствовал себя в седле вполне уверенно, и эта уверенность еще сильнее укрепила его в мысли, что все идет так, как должно.

Когда лошадиные копыта зацокали по одетой в камень пристани, Франческо вдруг резко натянул поводья, растерянно всматриваясь в укутанные утренним туманом корабли, что мягко покачивались у высоких трапезундских причалов.

– Где же этот чертов Джованни? И как теперь искать этих греков? – недовольно пробормотал он, едва сдерживая разгоряченного, нетерпеливо переступающего копытами коня. Но долго ждать не пришлось: от одного из причалов, над которым крутым деревянным бортом нависало большое торговое судно, вдруг отделилась чья-то тень и призывно замахала рукой.

– А, вот и он. Наконец-то! За мной, янычар.

Франческо всадил каблуки в лошадиные бока и в два счета оказался на тут же ожившем, отчаянно загремевшем досками причале. Януш последовал за слугой.

Здесь еще сильнее пахло водорослями и гнилым деревом. Всадники спешили. Джованни – им оказался не улыбочивый парень с цепким взглядом – принял у них поводья:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.